

Ксения Руднева

ПО ТУ СТОРОНУ ГРЕХА

18+

Ксения Игоревна Руднева

По ту сторону греха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65668029

SelfPub; 2021

Аннотация

Ошибки прошлого заставляют терпеть чужую несправедливость? Жить бок о бок с невлюбившей племянницей, сменить профессию, лишь бы ту не выперли из института? А в настоящем творится не пойми что: студенты «под кайфом» прыгают в окна, новый начальник решает во всем разобраться и принуждает к содействию? Главное в этой круговерти – не напортачить с будущим, которое видится туманным, но радужным. А если возникнут трудности, психолог поможет!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ксения Руднева

По ту сторону греха

Глава 1

– Мария утверждала, что придет ее тетушка, а не подружка, – с не прикрытым раздражением и неприязнью сообщил довольно-таки молодой для занимаемой должности мужчина. Он оглядел меня с ног до головы и зрелищем остался явно разочарован.

Тут, надо сказать, он мне сильно польстил: все же с Машкой у нас было десять лет разницы, и закадычная дружба, случись она действительно между нами, явилась бы чем-то как минимум странным. Бьюсь об заклад, все дело в моей несоответствующей возрасту внешности, что мне обычно нравится, это только до двадцати выглядеть постарше прикольно, после – уже все с точностью до наоборот.

– Должна заметить, вы тоже не сильно смахиваете на декана, – не осталась я в долгу и обмахнулась перчатками. В кабинете было жарко – отопительный сезон уже начался, а оставить верхнюю одежду в гардеробе я не потрудилась, поэтому и сидела в распахнутой куртке.

– Директора, – поправил он меня и зачем-то пояснил: – В университете прошла реструктуризация, теперь вместо де-

канов у нас директора, а вместо факультетов – институты.

Я согласно кивнула, хоть и не стала вникать в их внутри-вузовские перипетии. Директор крутил фирменную шариковую ручку в длинных пальцах и явно прикидывал, что делать в условиях несбывшихся ожиданий. Я, по понятным причинам, облегчать его трудностей не собиралась. Пауза затягивалась. Я явственно представила, как очередь из нерадивых студентов, которые поначалу приняли меня за свою и вперед пропустили с большой неохотой (но кто ж им слово давал!), множится едва ли не с каждым движением минутной стрелки. Думаю, Директор представлял примерно то же самое, потому как, прокашлявшись, уточнил:

– Так Мария действительно ваша племянница?

– Да, у нас с сестрой большая разница в возрасте, – подтвердила я, что являюсь именно той, кто ему нужен, без обмана.

– И вы единственная, кто может принять участие в ситуации Марии?

– Я вообще единственная ее родственница в этом городе, – с большим удовольствием просветила я Директора. – Мать находится в двух тысячах километров, отца нет. Вы разве не поинтересовались ее анкетой?

– Что вы, конечно интересовался, правда, про вас там ни слова. Вопрос деликатный, сами понимаете, выбирать частных приходится с осторожностью...

Я закатила глаза и перебила мужчину:

– Так может вам паспорт показать, у нас с племянницей одна фамилия, а с ее матерью – отчество. Генетическую экспертизу проходить, уж простите, не буду.

– А у вас с собой? – с готовностью ухватился за возможность Директор, как будто я ему не в документ заглянуть предложила, а как минимум заем под девять десятых процента.

– А как, по-вашему, меня охранник на проходной пустил? Спасибо хоть отпечатки пальцев не потребовал, – проворчала я, вынимая из сумочки паспорт, совершенно случайно там оказавшийся. Удачно забыла дома выложить.

Изучал документ Директор на совесть, будто кроме моего полного имени и даты рождения мог прочесть между строк что-то еще. Я же занималась тем, что рассматривала мужчину: интересный у Машки Директор, надо заметить. Лет около тридцати пяти, слегка выющиеся русые волосы уложены вверх и назад, голубые глаза смотрят серьезно, но при этом все же благожелательно, хотя скорее всего виной тому расходящиеся в стороны от уголков глаз лучики морщинок. Приятное лицо с широкими скулами и узким подбородком, от чего щеки кажутся впалыми, и тонковатые на мой вкус губы, сомкнутые в единую линию. Хорошо развитые плечи для человека, работающего преимущественно головой, упакованы в белоснежную рубашку, темно-серый пиджак висит позади на спинке стула. Руки жилистые, как будто привыкшие к физическому труду, хоть и с длинными аккуратными пальца-

ми, в таких шариковая ручка смотрится чужеродно. Но еще большее пятно на его прикрытую завесой интеллигентности внешность бросал искривленный в районе переносицы нос, который когда-то давно явно был сломан. Вывод на основе этого всего я сделала один: Машкин Директор не так однозначен, как может показаться на первый взгляд.

– Все сходится, Евгения Алексеевна, – кивнул, прерывая мои мысли, Директор. – Разве что ваш возраст слегка удивил, каюсь, изначально показалось, что вы сильно моложе.

В ответ пожала плечами. Такая уж внешность досталась, не он единственный до сих пор принимает меня за студенточку. В определенной степени мне это даже нравится, женщины же всегда стремятся выглядеть помоложе, сумасшедшие деньги за это вываливают, а в моем случае – приятный бонус от матушки-природы, и никаких лишних усилий с моей стороны.

– Что ж, значит, теперь можем перейти к делу... – поторопила я, находиться здесь дольше, чем нужно, в мои планы не входило, мне еще работу новую искать...

– Андрей Маратович, – любезно подсказал мужчина.

– Андрей Маратович, – со всем прилежанием повторила я, попеняв себе на то, что не удосужилась прочесть табличку возле входной двери. Вообще успешная коммуникация – не мой конек, к сожалению.

Директор нажал кнопку на селекторе и попросил секретаря привести Марию. Я нахмурилась. Мало того, что вызы-

вать родителей в университет – не в школу, заметьте! – я считала весьма странным, если не диковатым, так еще и вынуждать меня выгораживать Машку в ее же присутствии – верхом непедагогичности. А у племянницы и без того с субординацией проблемы, уж я-то знаю, о чем говорю. Андрея Маратовича же, судя по невозмутимому выражению интеллигентного лица, все устраивало.

Не прошло и минуты, как соломенного цвета дверь открылась, и на пороге возникла племянница. Вид виноватый и одновременно несчастный, взгляд наивных глаз устремлен в пол. Волосы собраны в низкий хвост, юбка чуть ниже колена и свободного края свитер завершают образ отличницы, но меня, в отличие от непосвященных, этим не проведешь. Невинные оленячьи глазки росчерком угольно-черных стрелок превращаются в соблазнительные очи, свитер спускается с плеча и подхватывается в области талии ремнем, а персиковый блеск делает и без того пухлые губы желанным эталоном для любительниц заглянуть на огонек к косметологу.

– Проходи, садись, – голос Директора прозвучал строго, как ему и полагается.

– Здравствуйте, – проблеяла Машка и аккуратненько приземлила свою пятую точку на самый краешек стула, что стоял в компании еще парочки таких же собратьев возле окна, сбоку от начальственного стола Андрея Маратовича. Я же сидела напротив Директора, так что получалось, что Машка находилась как бы в стороне от нас.

– Разговор нас ждет неприятный, предупреждаю сразу. Не знаю, рассказывала ли вам уже что-нибудь Мария, – обратился ко мне Андрей Маратович, я отрицательно мотнула головой – ждать откровенности от племяншки, что помидор зимой в огороде. – Да это и не важно, потому что все, о чем я сейчас буду говорить, оспорить или представить в ином свете не представится возможным, – мужчина остановился, набрал воздуха и продолжил: – Вчера после занятий я лично застал вашу племянницу, курящей травку в компании старшекурсников прямо в свободной аудитории кафедры, – Андрей Маратович сбросил бомбу и уставился мне прямо в глаза, отслеживая реакцию.

– Что, простите? – не подвела я, просипела: и попыталась подтянуть отвалившуюся нижнюю челюсть к верхней. Всякого могла ожидать от Машки, и сама в ее годы особым умом не отличалась, но наркотики!

– Да, вы верно расслышали, а я не оговорился. Вчера Мария употребляла запрещенные вещества прямо в здании университета и была поймана с поличным. Что касается ее старших товарищей, я уже подписал приказы на отчисление за неуспеваемость, что не удивительно – у ребят внушительный послужной список, да и долгов предостаточно. Вам же предлагаю, в связи с тем, что Мария является первокурсницей и состоит, прошу прощения, состояла, – поправился Андрей Маратович, побарабанив пальцами по столу. – На хорошем счету, прямо сегодня написать заявление и по собствен-

ному желанию забрать документы.

– Забрать документы? – тупо переспросила я, а Машка, подпрыгнув на стуле, вскрикнула:

– Как? – девчонка явно не ожидала принятия настолько серьезных мер в собственный адрес.

– Поработает годик, одумается, – не обращая внимания на Машку, продолжил Директор. – А летом поступит куда-нибудь еще. У вас же не парень, армии бояться не приходится. Хотя, честно говоря, служба на благо Родины могла бы и некоторым девушкам пойти на пользу.

И вот, положив руку на сердце, я была с Директором на сто процентов согласна. Нет, отправлять девчонку в армию я желанием не горела, но преподать той жизненный урок было бы неплохо. Жаль, в моем случае, рассчитывать на подобную роскошь не приходилось. Я лихорадочно соображала, как поступить.

– Прошу прощения, не могла бы Мария подождать, там, где она была до этого, пока мы поговорим, – попросила я в попытке хоть что-нибудь придумать.

Андрей Маратович вновь побарабанил пальцами по столешнице – далее тратить на нас время он явно не планировал.

– Пожалуйста, я не займу у вас много времени, – как можно более проникновенно произнесла я, пожалев, что не надела для надежности декольте, а явилась в простых свитере и джинсах. Тем не менее, мужчина сдался:

– Надя, – проговорил он в селектор. – Пускай Тарасова у вас посидит, пока я с ее родственницей не закончу.

Машка, недовольно сверкая глазами, покинула кабинет, а я, дождавшись, когда за ней захлопнется дверь, нависла над столом Директора, придвинувшись как можно ближе, и, не придумав ничего лучше, затараторила:

– Пожалуйста, не отчисляйте девочку. Она, конечно, дурра, но дайте нам второй шанс. Обещаю, я прослежу, чтобы такого больше не повторилось. Да она на занятия под конвоем ходить будет! Ни шагу налево...

– Вы понимаете, о чем меня просите? – перебил Андрей Маратович, негодование, плескавшееся в его потемневших глазах, не сулило мне ничего хорошего, но и позволить себе отступить я не могла. – Наркотики в стенах учебного заведения! – меж тем продолжил он. – Это скандал! Слава Богу, до ректора не дошло. И то, что ваша девочка попала под влияние дурной компании, нисколько ее не оправдывает. Я за время работы много чего повидал, уж поверьте.

– А если мы откажемся забирать документы?

– Оттянете неизбежное до первой сессии, которую она, гарантирую вам, не сдаст, – Директор откинулся на спинку стула и принялся сверлить меня уверенным в собственном праве взглядом.

– Может, мы могли бы помочь кафедре материально? – зашла я с другой стороны. – Компьютеры купить, например, или принтер? Вам же нужен принтер? – я лихорадочно пы-

талась нащупать подход к этому неприступному с виду мужчине и спешно прикидывала, сколько честно заработанных смогу выложить за глупость племянницы.

– Послушайте, Евгения Алексеевна, – Директор с жалостью посмотрел на меня. – Уж простите, но не вижу я причин, по которым вы так в меня вцепились. Согласен, сейчас все происходящее может казаться вам трагедией, но, поверьте, пройдет совсем немного времени, и вы поймете, что ничего жизненно важного не потеряли. Поступит ваша Мария в другой ВУЗ и впредь будет умнее.

Чем дольше говорил Директор, успевший за свою жизнь насмотреться на подобные драмы, тем труднее мне было держать себя в руках. Тем более я после собственного фиаско с работой еще не оправилась, так что Машкин косяк буквально выбил меня из колеи.

– Вы не понимаете, – всхлипнула я и все-таки заревела. Дрожащими пальцами попыталась открыть сумочку, чтобы вытащить бумажные платочки, но замок не поддавался.

Андрей Маратович, видя мои безуспешные попытки, вытащил из кармана брюк мужской платок в коричневую клетку и изящным движением протянул мне. Затем встал, обошел стол, налил из графина воды и подал стеклянный стакан, сочувственно похлопав меня при этом по плечу. Я влила в себя воду одним махом и шумно высморкалась в платок. Осознав, что творю, и как все это смотрится со стороны, заревела пуще прежнего.

– Я, конечно, много слез в этом кабинете повидал, но чтобы ревели не студенты, а их представители...

– Вы не понимаете-е-е, – заикала я. – Это мне никак нельзя, чтобы Машку из университета выгнали-и-и. Я и сама теперь без работы-ы-ы, меня родственники совсем со света сживу-у-ут... – в итоге закусила палец в попытке успокоиться и шумно задышала.

Директор молчал, то ли растерялся от моих откровений, то ли сказать ему действительно оказалось нечего. Я сочувствовала себе и ему заодно и мечтала, чтобы эта некрасивая сцена никогда со мной не приключалась.

– У вас какое образование? – вдруг поинтересовался Директор.

Я убрала палец изо рта и, шмыгнув носом, прохрипела:

– Инженер-конструктор. А что?

Андрей Маратович устало потер переносицу, явно терзаясь сомнениями, и спустя несколько мгновений заговорил:

– Могу вам вот что предложить: со следующей недели вы устраиваетесь ко мне на кафедру ассистентом – у меня как раз преподаватель в декрет уходит, а нагрузку надо на кого-то распределять. Будете вести практические занятия у младших курсов – конспекты я вам предоставляю, и курировать группу племянницы.

– Правда? – шепотом уточнила я, боясь поверить в такую удачу. Готова поспорить, мои глаза в тот момент напоминали две медали, наподобие тех, что висели в окружении кучки

грамот и дипломов у Директора за спиной.

– Но должен сразу предупредить, – осадил мою радость будущий босс. – Зарплата у вас будет чисто символическая, так что если сумеете решить финансовый вопрос, добро пожаловать в коллектив.

– Спасибо! – от радости я вскочила со стула и, вцепившись обеими руками в руку Директора, принялась энергично трясти конечность мужчины. – Вы не пожалеете!

– Уже пожалел, – усмехнулся тот по-доброму и, освободившись от моих тисков, выпроводил из кабинета.

Я забрала племянницу из соседнего помещения и, не говоря ни слова, повела на выход. Хотелось сделать это за ухо, но я удержалась.

– Нам разве не нужно в отдел кадров? – с деланным равнодушием поинтересовалась та. Было видно, ситуация девчонку нехило вспугнула, хоть малая и пыталась хорохориться.

– Не в этот раз. Остаешься в университете до первой провинности, – обрадовала я, напустив строгости в голос.

Если и ждала в глубине души благодарности от племяшки, то зря. Та с наглым видом оглядела меня с головы до ног и хмыкнула:

– Даже боюсь представить, чего тебе это стоило.

За что и получила оплеуху. Пощечина к моему удовлетворению получилась звонкой и след на щеке оставила порадовавшей глаз интенсивности.

– Будешь зарываться, пулей отправишься к мамочке в

родной город, и уже ничто меня не остановит. Ясно?

– Ясно, – пробурчала Машка, держа ладонь на пострадавшей щеке.

Я молча продолжила движение. Народ деловито сновал по холлу первого этажа, не уделив нашей стычке никакого внимания. Машка брела позади, гордо держась на небольшом расстоянии. В машине мы не проронили ни слова.

Глава 2

А едва зайдя домой, я протянула ладонь и потребовала:

– Ключи!

– Что? – не поняла девчонка.

– Ключи от квартиры сюда давай, – для наглядности я поиграла пальцами.

Та вытащила из сумки связку на пушистом брелоке и хмыльнулась:

– Выгоняешь?

Получилось жалко, потому как вид у Машки был больше потерянный, чем независимый. Я вздохнула.

– Уходить из дома будешь под моим присмотром, возвращаться – так же. Никаких дискотек, друзей и так далее. В кино или кафе – только в моей компании и то, если у меня будет на то время и желание.

– Да мне проще в общагу переехать!

– Кто ж тебе там место даст, – хмыкнула я, уверенная в принципиальной позиции на этот счет Директора. – А будешь права качать, заставлю пописать в баночку и отнесу на экспертизу. Если не в курсе, можешь у интернета поинтересоваться, как долго в моче следы травки сохраняются, – пригрозила напоследок и отправилась мыть руки, тем самым поставив точку.

Племянница с видом несправедливо осужденной скры-

лась в собственной комнате, и больше в тот день я ее не видела. А на следующий я встала по будильнику и принялась собираться, чтобы отвезти девчонку на учебу, и занести собственные документы в отдел кадров. Не рассчитывала я, что на новую работу придется выйти так скоро, но если верить обещанию Директора об оплате труда, то служба моя скорее будет смахивать на волонтерство. Хорошо хоть выходное пособие и компенсация за неиспользованный отпуск с прошлой работы позволят продержаться на плаву какое-то время, а там придумаю что-нибудь.

Под звук недовольного бубнежа я довела племяшку до нужной аудитории и, убедившись, что та заняла место за партой под внимательным взглядом преподавателя, с легким сердцем отправилась по своим делам. Отдел кадров для сотрудников находился на втором этаже и буквально-таки кипел рабочей деятельностью. Специалисты негромко переговаривались, что-то печатают на компьютерах или роясь в толстых папках. Самый молодой парень консультировал кого-то по стационарному телефону. Я откашлялась и поинтересовалась, кто из них работает с кафедрой Информационных технологий, на которой мне вскоре предстояло начать трудиться. Отозвалась приятная на вид женщина с усталым взглядом. Разговаривала строго, как с несмышленной выпускницей, но я сочла это за особенности профдеформации и обижаться не спешила.

После отправилась к стенду с расписанием и изучила гра-

фик Машки. Племянницу ждало еще три пары, а я, чтобы хоть как-то скоротать время отправилась в ближайший магазин за тортиком – нужно же начинать знакомство с будущими коллегами.

Когда возвращалась, у входа в здание мигала маячками машина скорой помощи. Я нахмурилась: неужели кому-то стало плохо, но вскоре об увиденном забыла, закрутившись с делами. Под звонок, оповещающий об окончании первой пары, я ввалилась в кабинет Директора – он же по совместительству заведующий моей будущей кафедрой – и, потрясая коробкой с тортом, обрадовала собственными успехами на ниве делопроизводства. Разыскать Андрея Маратовича, к слову, оказалось той еще задачей. День у него был неприемным, поэтому заседал он в своем кабинете на кафедре, а не на директорском месте, где принимал меня до этого.

Андрей Маратович был хмур. Поначалу я испугалась, что виной тому я сама и мое вчерашнее поведение, но мужчина при виде меня лишь махнул рукой в сторону стула и продолжил телефонный разговор. Короткие фразы не давали никакой информации, да и я подслушивать не собиралась, напустив на себя максимально незаинтересованный вид, дабы окупить недавнее не совсем цивилизованное поведение.

После разговора начальник распределил все по местам: коробка с тортом в ожидании большого перерыва перекочевала из моих рук в холодильник, а я – на занятие, которое в скором времени буду вести самостоятельно. Приятная пре-

подавательница с таким огромным животом, что я заподозрила у нее двойню под сердцем, охотно взяла меня под патронаж и обещала Директору ввести в курс дела. В ее компании, как рядом и со всеми беременными, я сразу же почувствовала себя не в своей тарелке, но постаралась отодвинуть грустные мысли на задний план – не время и не место. Вечером порефлексирую.

– Проходи-проходи, – отпирая металлическую дверь аудитории, весело стрекотала женщина, чье имя я, каюсь, не запомнила с первого раза. – Здесь у нас компьютерный кабинет, и, как понимаешь, твои занятия в основном будут проходить именно здесь.

Я оглядела будущее поле деятельности. По периметру помещения располагались рабочие места с компьютерами, по центру – обычные парты, напротив – маркерная доска. Стол с преподавательским компьютером и принтером стоял в углу. Там же под потолком жужжал и мигал огоньками короб, окруженный проводами, предназначение его для меня осталось загадкой.

– Присаживайся сюда, – наставница усадила меня рядом с преподавательским компьютером, сама же устроилась за столом, что стоял напротив студенческих парт. – Скоро первокурсники придут. Та еще головная боль, сейчас сама увидишь. Старшие курсы уже более серьезные, а эти – сущие дети еще. Да и группы большие: отчисленных нет, прогульщиков пока тоже.

Вскоре прозвенел звонок, и в аудиторию ввалилась разномастная толпа первокурсников. Мальчишки преобладали, но и девчонок я насчитала семь человек. Пока студенты рассаживались по местам, доставали из сумок-рюкзаков ручки и тетради, гул стоял тот еще. Я после размеренной тишины кабинета, в котором до недавнего времени трудилась в компании еще двух инженеров, признаться, немного потерялась и успела слегка испугаться и даже усомниться в успехе собственного предприятия. Парой коротких ударов ручки о стол беременная женщина навела в заполненной аудитории тишину, чем заслужила мое неподдельное восхищение. Затем поздоровалась, отметила присутствующих и начала занятие, что логически разделилось на две части. Первым шел теоретический раздел: пока преподаватель стояла у доски, студенты корпели над конспектами, после – практика на компьютерах.

Я мотала на ус, и, откровенно говоря, не представляла, как смогу самостоятельно владеть вниманием аудитории на протяжении целых полутора часов. Перевести дыхание моя наставница смогла только тогда, когда студенты расселись за компьютеры и приступили к выполнению практического задания. И то периодически с разных мест раздавались уточняющие вопросы.

– Анна Валериевна, а в какую папку файл сохранять? – узнала я имя женщины благодаря нерадивому пареньку из дальнего угла.

– В папке «Студент» находится папка с именем вашей группы, Тимофей, – невозмутимо ответила преподаватель, падая на стул рядом со мной. – Ну как тебе ощущения с этой стороны? Отличается от того, когда сама была студенткой? – в полголоса поинтересовалась она и улыбнулась.

– Не поняла еще, – честно призналась я.

– Ничего, это поначалу кажется чем-то невероятным, а потом втянешься, и пойдет как по маслу, – приободрила меня Анна и подмигнула. – Мне, например, даже нравится.

Студенты гомонили, переговариваясь в процессе работы, иногда выкрикивали вопросы. Анна спокойно отвечала или подходила прямо к компьютеру, брала мышь и показывала, что нужно делать. Работа в аудитории кипела. Я попыталась выполнить задание для первого курса прямо за преподавательским компьютером, и на удивление быстро справилась, благо они пока занимались в текстовом редакторе. Никаких «С++», чего я так боялась. Потому что, согласитесь, одно дело чертить токопроводы, и совсем другое – писать программы на языке, о котором до этого только слышал.

Ближе к концу занятия, пока Анна проверяла работы студентов, перемещаясь от одного компьютера к другому, я стала нечаянной свидетельницей разговора, который меня насторожил.

– Видел, скорая приезжала? – наклонился вихрастый парень, что сидел буквально в метре от меня, к соседу.

– И че? – сосед, видимо справившийся с заданием, ва-

льязно развалился на стуле, насколько позволяла деревянно-металлическая конструкция последнего.

– Третьекурсника увезли, говорят с передозом, – понизив голос, сообщил первый.

– Тебе-то откуда знать?

– У меня братан старший с ним на одном потоке учится, он мне недавно написал.

Если учесть, что скорую я видела собственными глазами, и приплюсовать к тому хмурое лицо Директора в момент телефонного разговора, получается, что парень может говорить правду, а не просто красоваться перед другом, стараясь выглядеть круче и значимее в глазах сверстника. Тогда может, зря я вцепилась в Директора и бьюсь за Машкино здесь место? Может, ну его нафиг, это гнездо порока, и девочке действительно будет лучше перевестись от греха подальше?

Анна Валериевна тем временем закончила обход, сделала какие-то пометки в журнале и отпустила молодежь на обед – именно его и предполагал большой перерыв, последовавший после звонка. Мы же направились в преподавательскую, где нас уже ждали человек восемь за сдвинутыми столами, венчал которые огромных размеров термопот. Андрей Маратович приобнял меня, чем ввел в легкий ступор, и представил будущим коллегам:

– Прошу любить и жаловать, Евгения Алексеевна, новый ассистент нашей кафедры.

– И где вы такие редкие кадры подбираете, Андрей Ма-

ратович? – сделал комплимент то ли мне, то ли начальнику единственного пожилой преподаватель в вязаной жилетке.

Я благодарно улыбнулась. Все-таки испытывала небольшой мандраж перед знакомством с коллективом. Что ни говори, а от того, какие люди тебя будут окружать на работе, зависит очень многое.

– Там больше таких нет, – добродушно отшутился Директор, не став раскрывать подробности нашего знакомства, после представил каждого из собравшихся.

Что удивило, так это возраст будущих коллег. Я хоть ожидаемо и оказалась самой молодой, на вид большинству было едва ли больше сорока-сорока пяти. А ведь, когда училась я, редко можно было встретить преподавателя младше шестидесяти. Запомнить всех с ходу не удалось, у меня вообще с этим проблема. В голове отложилось лишь имя преподавательницы лет пятидесяти в модном платье – уж очень она выделялась, и то только потому, что так звали мою классную руководительницу, и почему-то женщины, отвечающей за делопроизводство.

– С остальными познакомитесь в понедельник на заседании кафедры, – пообещал Директор и обратился к делопроизводителю: – Ольга Ивановна, повесьте, пожалуйста, объявление.

Чай пили душевно. И вообще, атмосфера на кафедре мне понравилась, теплые отношения в коллективе чувствуются сразу. Молодец, Андрей Маратович, умеет кадры подбирать.

За время обеда я успела кратко рассказать о сокращении под сочувственные кивки присутствующих, о настоящем поводе своего трудоустройства в ВУЗ по понятным причинам умолчала. Будущие коллеги приободрили, как могли, уверили, что им очень приятно и пообещали помочь, если возникнут трудности в первое время. Я от столь неподдельного участия расчувствовалась и чуть было не пустила слезу. Ну, или это коньяк виноват, что щедрой рукой ливанул мне в чай, подмигнув при этом, профессор, сидевший напротив. Я даже не сразу вспомнила, что за рулем, а когда вспомнила, уже было поздно.

– Андрей, что-нибудь слышно про третьекурсника? – обратился вдруг к Директору преподаватель-мужчина, когда остальные уже разделились на группки по интересам и беседовали кто о чем.

Я насторожилась и напрягла слух, стараясь не подавать виду и кивая при этом в такт рассказу Ольги Ивановны про фиалки. Но старалась я зря: Андрей Маратович лишь отрицательно мотнул головой и в очередной раз сдвинул брови, выказывая озабоченность. Опять пришла мысль: а не поспешила ли я с устройством на новую должность? Но объективных причин давать заднюю не было, да и женщины успели отвлечь разговором. Периодически в преподавательскую забежали с какими-то вопросами студенты, но их вполне успешно гоняла все та же Ольга Ивановна.

Расходились, довольные друг другом. Я в приподнятом

настроении продолжила перенимать опыт у Анны Валериевны, а жизнь как-то вдруг перестала казаться столь беспроблемной, впереди замаячил лучик надежды, разогнав все печали и тяжкие мысли. Занятие по теории вероятности и комбинаторике мне показалось сложнее предыдущего, но тоже вполне посильным. И последней парой шло опять занятие по информатике в компьютерном кабинете уже с другой группой первокурсников. Под конец рабочего дня, признаться, голова слегка гудела. Все-таки на удержание в узде толпы студентов расходуется приличное количество энергии.

– Ну как тебе? – вполне бодро поинтересовалась Анна, запирая аудиторию.

– Слегка суматошно, но в целом опыт интересный, – попыталась я описать словами то, что чувствовала, и спросила с наставницей, нужно было еще успеть перехватить племянницу.

Глава 3

Хоть я и написала Машке, чтобы та ждала меня у входа в здание, особой надежды на ее благоразумие не испытывала. Я забрала пальто из шкафа для преподавателей и поспешила на улицу. Такси вызывала прямо на ходу. Племянница ждала, где и было велено, протест же девчонка выразила тем, что с наглым видом курила в компании ярко покрашенных девиц, явно постарше ее самой. Я встала в сторонке, чтобы не вдыхать отраву, и спокойно дождалась машину. Жестом указала Машке, чтобы поскорее усаживалась, когда такси припарковалось: на проспекте действовал знак «Остановка запрещена». Девчонка демонстративно расцеловала приятельниц на прощание и только потом изволила усадить свою пятую точку в машину.

– Жизнь тебя, смотрю, совсем ничему не учит, – изрекла я, опуская окно. Вонь стояла в салоне та еще.

– Курить мне уже можно, – выдала явно заготовленный ответ.

– В пятнадцати метрах от учебного заведения, – кивнула я. – Иначе получается административное правонарушение. Как думаешь, стерпит Андрей Маратович подобное?

Девчонка растеряла весь свой пыл и умолкла, я же отвернулась к окну и, пока такси еле ползло по проспекту из-за пробки, принялась размеренно вдыхать влажный осен-

ний воздух, тем самым успокаиваясь. Погода стояла пасмурная, что было обычным явлением для нашего города. Дома Машка продолжила придерживаться тактики холодной войны, хоть я и не уверена, что девчонка в курсе подобного словосочетания.

Остаток недели прошел в схожем ритме: я сдавала племянницу на руки преподавателям, сама же постигала премудрости новой профессии, обед проводила в компании будущих коллег, знакомясь поближе, а в конце учебного дня увозила нерадивую родственницу домой. Чаем с коньяком больше не баловались, видимо он тут подается по особенным случаям, оно и к лучшему.

В понедельник проснулась еще до будильника. Критически осмотрела отутюженные с вечера блузку и юбку, в итоге надела пиджак и джинсы прямого покроя. Племяшка при виде меня скривилась:

– Куда так вырядилась? Неужто работу нашла, и теперь оставишь меня в покое?

– Нашла. Тебе понравится, – пообещала загадочно, заранее предвкушая реакцию дорогой родственницы.

В отделе кадров мне оформили пропуск, так что теперь проходную я миновала без задержек. Отконвоировала Машку на пару и не без легкого беспокойства отправилась на свою. Возле аудитории меня предусмотрительно поджидал Андрей Маратович, облаченный в очередной костюм с иголочки. Из его нагрудного кармана торчал платок в тон поло-

сатому галстуку, что заставило меня почувствовать себя едва ли не замухрышкой, хотя одежда моя была куплена не на распродаже. Человек десять первокурсников топтались чуть в стороне, разбившись на группки по интересам.

– Готова? – тихонько, так чтобы первокурсники не услышали, поинтересовался Директор, я вот-вот ожидала, что он не удержится и поправит мне воротник.

В ответ кивнула – не съедят же они меня, в конце концов.

Когда студенты расселись по местам и перестали с недоумением переглядываться, приготовившись внимать, Андрей Маратович взял слово и представил меня:

– Знакомьтесь, Евгения Алексеевна Тарасова, ваш новый преподаватель по информатике. Вопросы есть?

Признаться, я не видела ни единой причины спрашивать о чем-то еще, но студенты так не считали, поэтому со стороны парт тут же посыпались реплики от самых смелых:

– А Анна Валериевна родила уже?

– А зачет кто принимать будет?

– А вы к нам надолго?

Я закашлялась, с трудом удерживая серьезное выражение на лице, от столь явной непосредственности я уже успела отвыкнуть.

– Так, вижу, что вопросов нет, – подвел черту Андрей Маратович и покинул нас, завещав на прощание хорошо позаниматься.

– Здравствуйте еще раз, – приветствовала я аудиторию,

как только дверь за начальством закрылась. Прозвучало вроде бы уверенно. – Староста присутствует?

– Да, – раздалось нестройное.

– Мне нужен полный список группы в алфавитном порядке.

Занятие начала со знакомства с подопечными, попутно отметила отсутствующих. Ребята времени не теряли и интересовались всем подряд: от моего знака зодиака и возраста до семейного положения. Я отшучивалась и даже забыла про недавний мандраж. Занятие прошло легко и непринужденно, благо материал я подготовила заранее, в теме не плавала и вроде смогла объяснить так, чтобы ребята поняли. Во всяком случае, с заданием справились все без исключения. Когда услышала переливчатую мелодию звонка, удивилась и не поверила, что полтора часа могли пролететь так незаметно, сразу же поздравила себя с успешным началом. Следующее занятие прошло в том же ключе. Ребята мне попались приятные, жизнелюбивые и увлеченные.

На время обеда, как и обещал Директор, пришлось заседание кафедры. В качестве приятной новости Андрей Маратович уже официально представил меня коллективу, затем пришла очередь неприятных.

– В пятницу состоялось университетское заседание совета, и ректор нас, мягко говоря, не порадовал. В одном из студенческих общежитий случилось «че-пэ» – одному парню, благо не с нашего института, внезапно стало плохо. В итоге,

увезли парня в больницу с передозировкой, еле откачали. И это уже второй такой случай за прошедшую неделю. Перво-му студенту стало плохо прямо на занятиях.

Преподаватели заохали каждый на свой манер, начали раздаваться восклицания, будто в помещении принялись готовить попкорн, и он хлопал в разное время с разной интенсивностью. А я почувствовала тысячу иголок под пятой точкой – тот студент точно не красовался перед товарищем, а говорил печальную правду. Директор прервал тут же начавшийся гул парой хлопков ладони по столешнице и продолжил:

– Соответствующие органы оповещены и уже приступили к работе, но как я понял, пока их действия ни к чему не привели. Ректор рвет и мечет – университет замешан в скандале! Грозится заставить пройти всех освидетельствование под угрозой отчисления, что, конечно же, вне закона, и, думаю, до этого дело не дойдет, но пугнуть мы их просто обязаны. Каждый преподаватель теперь должен внимательно следить за состоянием подопечных во время занятий, обо всем подозрительном немедленно докладывать лично мне. Особенно вас должны насторожить такие признаки, как спутанность сознания, расширенные зрачки, беспричинная радость или апатия, ответы невпопад, более подробно прочтете в памятках, – Андрей Маратович звонко шлепнул стопкой листов А4 по столу. – Кураторам групп нужно собрать их и провести лекцию о вреде наркотиков, прочувствованную и с фо-

томатериалами, так чтобы они до мозга костей прониклись и близко к этой дряни не подходили, хоть гипнотизируйте их.

Тут я эгоистично призадумалась: назначили меня куратором или еще не успели? Лучше бы, конечно, последнее. Директор тем временем животрепещущую тему оставил и перешел к вопросам рабочим. Говорил что-то о методическом обеспечении дисциплин, публикациях в научных журналах и дипломниках. Я, если честно, пропускала незнакомые темы мимо ушей, здраво рассудив, что меня пока что все это навряд ли касается. Вновь включилась в заседание на словах Директора «Евгения Алексеевна, зайдите ко мне после «кафедры». Вздогнула и перевела осмысленный взгляд на начальство. Андрей Маратович хранил непроницаемое выражение на лице, так что понять, о чем пойдет речь, не представлялось возможным, хоть и в виду драматических новостей кое-какие догадки у меня возникли. Народ еще долго гудел, растревоженный происшествием, кто-то поведал, что парень был с экономического. Дальше я слушать не стала, отправилась «на ковер».

– Андрей Маратович? – для вида постучала в открытую дверь.

– Заходите, – пригласил тот и указал на стул. Подождал, пока я устроюсь, и собственноручно притворил дверь. – Разговор предстоит конфиденциальный, – пояснил он. Я кивнула и почему-то придвинула сумочку к себе поближе. – Евгения Алексеевна, у меня к вам деликатная просьба. Думаю,

что нужно как-то поговорить с вашей племянницей, вывести ее на откровенность. Откуда-то же дети берут эту отраву, не хватало еще чтобы эта зараза распространилась по всему университету. И уж точно не на подконтрольной мне территории.

– А разве травкой можно накуриться до «передоза»? – доверчиво уточнила я у мужчины.

– Нет, травкой невозможно. Но и сидеть, сложа руки, мы тоже не можем, правильно?

– Тут я с вами согласна, – осторожно кивнула я, не собираясь в первый же день спорить с начальством. Не хватало еще и с этой работой распрощаться, не успев толком освоиться, а вот связываться с наркоманами не хотелось совсем, ибо не понаслышке знаю, на что иногда способны ребята под кайфом. Не со зла даже, а от невменяемости.

– Так вы поговорите?

– Я? Почему я? – от неожиданности я поперхнулась и закашлялась. А потом по слегка растерянному выражению лица Директора поняла, что придется пояснить: – Видите ли, у нас с Марией не очень близкие отношения... – а про себя подумала, что это уж очень, мягко говоря. – Может быть вы сами? Я не против.

– И все-таки давайте, сначала вы, – деликатно настоял на своем Директор.

Продолжать спорить с начальством я разумно не стала, потому пришлось согласиться, костеря про себя чужую ини-

циативность на все лады. Креатив приходит в голову Директору, а страдать вынуждены все остальные...

– Хорошо. Но, предупреждаю сразу: положительного результата не обещаю.

Директор, довольный собственной задумкой, распорядился ждать на месте, а сам отправился снимать Марию с предстоящего занятия. Остаться одной в кабинете заведующего оказалось неловко. То и дело дверь открывалась, являя очередного посетителя, и я, слегка краснея, объясняла, что Андрей Маратович отлучился. Раза после пятого это даже разозлило – в конце концов, никакого покоя Директору не дают! Чтобы привести нервы в порядок и настроиться на нужный лад, подошла к окну. Две фиалки на подоконнике радовали глаз розовыми и сиреневыми цветами – должно быть аура у Андрея Маратовича что надо. Тут же явилась мысль, что человек, за спиной которого расцветают фиалки, действительно не допустит наркомании среди подопечных. Внезапно, возвращая в реальность, прозвенел звонок, а входная дверь опять распахнулась. На этот раз пожаловал сам хозяин кабинета в компании моей племяншки. Машка ступала с выражением абсолютной преданности и кротости на лице, которого я у нее отродясь не наблюдала, в летящем платье и сапожках на каблучке. Признаться, я на какой-то миг даже заподозрила племянницу в тайной влюбленности в несомненно привлекательного преподавателя. Увидев меня, та тут же нахмурилась, потеряв львиную долю невинного оба-

нения. Андрей Маратович, не замечая перемен в настроении девчонки, усадил ту на стул и покинул нас со словами: «не буду мешать».

– И тут ты! – не порадовалась встрече племяшка и пробурчала: – На этот раз что?

Я потерла лоб, не зная, как лучше приступить к разговору, что был изначально обречен на провал. Вызвать племянницу на откровенность или хотя бы просто нормально поговорить у меня за пару месяцев совместного проживания так и не получилось.

– Маша, ты знаешь уже, что в пятницу из общежития парня с передозировкой увезли?

– Весь универ об этом знает, тебе-то что с того? Перед Измайловым выслужиться хочешь? На нашего директора глаз положила, да? А что, он мужик хоть куда, еще и при бабках к тому же, у нас от него половина девчонок тащится. Да только ему такая как ты нафиг не сдалась! Он твою гниль сразу раскусит, а если и нет, я ему с удовольствием подскажу...

– Прекрати! Хватит глупости нести! Не нужен мне твой Измайлов, – я устало опустилась на стул и только потом с запозданием поняла, что сижу в директорском кожаном кресле. – Я теперь на кафедре работаю ассистентом...

– Чего? – не оценила Машка зигзагообразный скачок моей карьеры, а я продолжила:

– И группу твою курировать буду. Все благодаря твоим стараниям, между прочим! Андрей Маратович меня времен-

но на место Анны Валериевны взял.

– Теперь мне и правда лучше документы из универа забрать, – младшая родственница хмуро взирала исподлобья.

– В общем, в связи с происшествием университет проводит антинаркотическую политику, – перешла я на официальный язык, потому что по-человечески с ней все равно не получалось. – А поскольку о твоем проступке пока что знаем только я и Андрей Маратович, предлагаю тебе все честно рассказать. Кто принес травку в университет, откуда взял? Кому вообще в голову пришла идея накуриться в аудитории?

– Не знаю. Парни сказали, что это просто сигарета.

– Хорошо. А что вы делали в пустом кабинете? – старалась я не заводиться и не заporоть разговор хотя бы в самом начале.

– КВН сочиняли, готовились к кубку первокурсника.

– Ты на КВНе со старшими ребятами познакомилась?

– Да. Они всем «первакам» помогают, чтобы смешнее получилось.

Вытянуть из враждебно настроенной девчонки много не удалось, но не думаю, что она скрыла что-то особенно важное. Свободную аудиторию им занять разрешил один из преподавателей, потому как в актовом зале на тот момент репетировала другая команда. Машкины однокурсники на их счастье задержались в столовой, а иначе пришлось бы отчислять Измайлову еще с десятков человек. Хотя, то что Машка крутила хвостом одна перед толпой ребят, мне не понра-

вилось. Курнуть предложил один из старшекурсников, сказал, так веселее пишется, и они частенько в творческом порыве прибегают к незаконному методу. Визита преподавателей, ясное дело, никто не ожидал. На их беду, мимо проходил Директор, который учуял характерный запахок и заподозрил нарушение режима.

– Маша, я понимаю, что у тебя новая жизнь началась, и ты вольна поступать с ней так, как считаешь нужным, – попыталась я достучаться до девочки. – Но знай, взрослость тем и определяется, что человек понимает и берет всю ответственность на себя за все свои поступки и решения. Человек сперва рассуждает, как его поступок повлияет на всю дальнейшую жизнь...

– И это ты мне говоришь! – усмехнулась в лицо племянница. – Уж без твоего наставничества я точно обойдусь, только лучше будет!

– Маша, я тебе добра желаю...

– Да ты с детства меня ненавидела, я же помню!

– Ревновала! Это совсем другое, да мне десять лет тогда было! Конечно, хотелось внимания и любви от родителей, а тут тебя в дом принесли, и все переключились на младенца, а до меня и дела никому не стало. Ну так мне уже не десять лет, да и тебе тоже. Припоминать человеку его детские ошибки – это как-то... по-детски, – улыбнулась я в конце, а Машка набычилась. Но хоть спорить не стала, и то хорошо, потому я продолжила, постаравшись закрепить результат: – Маша,

сама видишь, времена сейчас беспокойные, университет будут шерстить на предмет всякой отравы, сделай так, чтобы у Андрея Маратовича не было повода нас с тобой выгонять. Второго раза он нам точно не спустит. Хорошо?

– Хорошо, – нехотя буркнула племяшка, хотя я не думаю, что у той сохранилось желание продолжать открывать для себя подряд все новое и доселе неизведанное.

Родственным объятиям, что могли бы увенчать разговор по душам, не дал случиться все тот же Директор. Андрей Маратович приоткрыл дверь, аккуратно сканируя взглядом царящую обстановку, после моего кивка зашел уже полностью. Всего этого Машка, ясное дело, не увидела по причине того, что сидела ко входу спиной.

– Все в порядке? – на всякий случай уточнил Измайлов.

– Да, спасибо, – ответила я, а Машка кивнула угрюмо, переводя взгляд с меня на Директора и обратно. Видимо выискивала признаки тайной связи, порочащей меня и местного любимца заодно.

– Отлично, – плотоядным жестом Андрей Маратович потер руки, чем, признаться, меня насторожил, и отпустил Машку на давно начавшееся занятие. Я запоздало вспомнила про свое.

Глава 4

– Я, наверное, тоже пойду? – встала я, освобождая кресло для законного владельца.

– Нет-нет, не так быстро, – Измайлов подошел, нависая сверху, и надавил на плечи, усаживая обратно.

– Но у меня студенты, – попыталась возразить.

– Я дал им задание, – отмахнулся Директор и, придвинувшись ближе, понизил голос и зашептал: – Думаю, за вашей племянницей и ее товарищами по самодеятельности неплохо бы последить.

Испытав логику заведующего на собственной шкуре всего раз, я поняла механизм ее работы, а потому лишних иллюзий насчет того, кому из нас двоих придется следить за детьми, не испытывала. И как следствие, соглашаться с разошедшимся не на шутку начальством не спешила.

– Думаю, моя зарплата не подразумевает дополнительных нагрузок, – вжавшись в спинку кресла так, чтобы максимально увеличить расстояние между моим и директорским носом, я попыталась отбрыкаться от сомнительной чести.

– Я выпишу вам премию, Евгения Алексеевна, – щедро распорядился государственными средствами Измайлов.

– Кхм-кхм, – ворвалось в наш тет-а-тет чье-то деликатное покашливание.

Андрей Маратович не спеша выпрямился во весь свой

немалый рост, и я смогла разглядеть весьма пожилого мужчину, облаченного в темно синий костюм. Его седые волосы были аккуратно подстрижены, а глаза сквозь хитрый прищур искрились тщательно сдерживаемым смехом, в связи с чем мужчина мне сразу понравился.

– Не хочется вас прерывать, Андрей Маратович, но у меня не так много времени, – улыбнулся мужчина.

– Игорь Семенович, – наш Директор наконец покинул мое личное пространство и приветствовал посетителя рукопожатием. – Спасибо, что зашли. Знакомьтесь, Евгения Алексеевна, наш новый ассистент. А это – Игорь Семенович, профессор кафедры психологии.

– Рад, очень рад за вашу кафедру, – оценил меня Игорь Семенович. – И приятно познакомиться.

– Спасибо, – растерянно пробормотала я, под мужскими взглядами поднимаясь с директорского кресла, и разгладила складки на джинсах, которых, к слову, там и быть не могло.

Андрей Маратович сопровождал нас в преподавательскую, по пути сообщил, что в ближайший перерыв нас ждет небольшая лекция от Игоря Семеновича на тему: как распознать в студенте наркомана. Я с легким удивлением взглянула на начальство – похоже Измайлов взялся за кафедру всерьез, и страдаю от его рук не одна я. Премию им что ли ректор пообещал? Мол, чья вотчина будет наименее наркозависимой, тот получит денежный приз или еще какой бонус. Вот и старается наш заведующий. А если серьезно, то Андрей

Маратович, конечно, молодец, сейчас мало где найдешь людей не только равнодушных, но и готовых в связи с этим на активные действия. В основном народ ходит изо дня в день на работу, отбывает положенное время – и домой, на диван. Так что я лишний раз порадовалась за кафедру, на которой Машке еще учиться и учиться. В надежных она руках.

До звонка оставались считанные минуты, поэтому ждать занятых преподаванием коллег долго не пришлось. Как только все заняли места за столами, Измайлов представил гостя, хотя примерно половина преподавателей была с ним и так знакома. Это я определила по дружеским рукопожатиям с пришедшими и прочим голословным приветствиям. После Андрей Маратович расположился на диване, а Игорь Семенович, оставшись стоять, приступил:

– Коллеги, как вы уже знаете, на днях наш ВУЗ потрясло от кошмарного происшествия. Наркотики есть зло, и тот, кто их употребляет, уничтожает не только свое Я, но зачастую и тех, кто находится рядом. А посему, нашей первостепенной задачей стоит выявить тех, кто уже соприкоснулся с этой заразой и не позволить им распространить ее дальше. Я здесь за тем, чтобы в общих чертах – а глубже окунуться в тему нам не позволят временные рамки перерыва – ознакомить вас с внешними и поведенческими признаками, по которым человека можно заподозрить в употреблении запрещенных веществ...

Игорь Семенович вещал от души, с огоньком и безо вся-

ких шпаргалок. Для себя я почерпнула много нового, но, к сожалению, конкретики было мало, и мне с моим черно-белым восприятием уложить в голове подобную информацию оказалось трудновато. Потому как в состоянии наркотического опьянения зрачки у человека могут быть или расширенными, или, наоборот, суженными, поведение – вялым, или же чрезмерно активным, возбужденным и тому подобное. Зависит все от типа вещества. Так что как буду выявлять нарушителей на собственных занятиях, я представляла слабо и малодушно надеялась, что первокурсники до подобных развлечений еще не доросли. Тут же вспомнила про собственную племяшку и приуныла. «Ладно, всех подозрительных буду брать на карандаш» – решила я, на том и успокоилась.

Четвертой парой на сегодня у меня стояло практическое занятие у очередных первокурсников. Думаю, ребята нашли новую преподавательницу как минимум странноватой, даже руку за помощь никто не тянул. Заведенная и настроенная на нужный лад пылкой проповедью Игоря Семеновича – ему бы с таким талантом революции поднимать, я практически все занятие сканировала немигающим взглядом подопечных, выявляя в тех малейшие отклонения от нормы и записывая все в специально подготовленный блокнот. Стоит ли говорить, что в том состоянии, в котором я пребывала, подозрительным казался любой чих. А уж, чесавшему попеременно все части тела веснушчатому парню я уделила осо-

бое внимание и чуть было не сфотографировала на всякий пожарный, но все же вовремя себя одернула. В блокноте ему посвятила аж две страницы.

По пути домой с охватившей неловкостью сообразила, что именно из-за моего пристального внимания парень с такой силой и изводился. Для себя же я выяснила, что столь продолжительное общение со студентами, оказывается, жрет немало энергии. Машка сидела на пассажирском сидении, уткнувшись в мобильный. Со мной девчонка разговаривала сквозь зубы, выражая очередную ноту протеста. Спустя несколько месяцев совместной жизни я перестала вникать в их суть: не устраивало племяшку не одно, так другое. Истинная же причина крылась в моей личности и застарелой обоюдной неприязни, которую я, как человек повзрослевший, давно переросла. Девчонка же, отправляясь учиться, никак не ожидала, что родственники определят ее не на съемную отдельную квартиру, а под крыло непутевой и нелюбимой тетки. Так и маемся с лета в обществе друг друга.

На следующий день Андрей Маратович отловил меня в коридоре и с загадочным видом попросил заглянуть к нему в кабинет, когда выдастся свободная минутка. Приказ начальства – а в том, что это был именно приказ, я ни секунды не сомневалась – игнорировать было не с руки, а потому, как только наступил обеденный перерыв, я, вместо того чтобы весело пить чай с бутербродами в компании коллег, топта-

лась у входа в кабинет заведующего. Сам он не вернулся еще с занятия, и я с видом полной готовности и преданности делу ожидала появления начальства.

Измайлов появился не один. За ним шлейфом тянулась группка увязавшихся следом старшекурсников, которые пытались не отстать от размашисто шагающего Директора, на ходу что-то втолковывая тому. Андрей Маратович слегка прикрикнул на распоясавшуюся молодежь, чем-то пригрозил, я не расслышала, и велел зайти минут через двадцать. Для меня же раскрыл дверь кабинета и пропустил внутрь первой.

– Евгения Алексеевна, – обратился он ко мне, когда мы устроились друг напротив друга за профессорским столом, и выложил на тот связку ключей, выглядя при этом донельзя довольным. – Я все устроил.

– Да? – я с опаской покосилась на лежащую между нами связку и на всякий случай отодвинулась немного прямо вместе со стулом.

Директор нахмурился и пододвинул связку поближе ко мне.

– У вас все в порядке? – вдруг уточнил он.

– В полном, – заверила я, стараясь не показать настороженности, вызванную весьма странными действиями начальства.

Измайлов кивнул, и между нами повисла пауза. К ключам он больше не притрагивался, но и я не спешила протя-

гивать руку к непонятной связке. Отчего-то та воспринималась мной как мина замедленного действия.

– Это вам, – наконец отмер Андрей Маратович. – Я выделил первокурсникам аудиторию для подготовки к КВНу, это, собственно, ключи от нее. Вас я назначил ответственной, так будет проще следить за детьми, – понизил он голос.

– И как вы себе это представляете? Я буду прятаться за занавеской и греть уши, пока студенты репетируют? – зашипела я в ответ. – Или прикажете напроситься к ним в команду?

Директор расхохотался, от всей души, запрокинув голову и обнажив два ряда ровных и белых зубов. Я же его веселья не разделяла.

– Не совсем так. Я немножко поколдовал и поставил «прослушку» простенькую, так что от вас всего-то и требуется, что отпирать студентам аудиторию, а затем внимательно слушать, чем они там занимаются. Обо всем интересном докладывать мне. Надеюсь, вам не нужно напоминать про сленг, который гуляет среди любителей употребить «дурь».

Выслушав, я поднялась со стула и, наконец, под одобрительный взгляд начальства сгребла злополучную связку со стола. Напоследок решила-таки поделиться мнением, хоть тем никто и не интересовался:

– Но знайте, все это, – я демонстративно потрясла ключами, – мне очень не нравится.

– Мне тоже, мне тоже... – донеслось задумчивое уже в спину.

Репетировала молодежь практически каждый день, так что после занятий я была вынуждена торчать в преподавательской и делать умный вид, чтобы оправдать торчащие белые наушники и заодно отпугнуть любителей поболтать. Чтобы подключиться к «прослушке» мне надлежало звонить на номер, выданный Измайловым. Слышимость, на удивление, была вполне удобоваримой. Поначалу я принялась конспектировать все, что слышала, но уже через полчаса рука заболела с непривычки. Следовало признать, стенографистка из меня получилась так себе. Да и перечитав впоследствии свой шедевр, понять, о чем речь шла, в половине случаев уже не смогла. После стала выписывать лишь сомнительные слова. За пять минут набралось штук двадцать, и я заподозрила себя в излишней мнительности, а Измайлова – в оптимистичности. Молодежь хохотала, репетировала номер, а некто Удмурт каждые десять минут подкатывал к Анюте. За два с половиной часа предложения, даже завуалированного, выкурить по косячку так и не поступило, что меня, признаться, порадовало.

Где-то за полчаса до конца репетиции заглянул Директор. Молча поставил на мой рабочий стол чашку с чаем, положил рядом булочку из соседней пекарни и вопросительно дернул головой – мол, как идет? Я нахмурилась, шикнула и махнула на начальство рукой, испытай от сего действия невиданное доселе удовольствие. Андрей Маратович хмыкнул и убрался

восвояси, вид отчего-то имея довольный.

Так и потянулись долгие дни моей разведдеятельности. В первой половине я занималась прямыми обязанностями, а после окончания пар – партизанскими. Измайлов исправно подкармливал меня сдобой, иногда приносил салаты, на том содействие с его стороны исчерпывалось. Но не смотря на все старания начальства и свои собственные, ничего подозрительного услышать так и не удалось, если не брать в расчет ценных сведений о свежести блюд в студенческой столовке и кличках некоторых преподавателей. Я в речах молодежи фигурировала под прозвищем Тетушка, Измайлова звали Дроном или Главенствующим, были также не идентифицированный мной Волк и Электроник, ведущий электротехнику. Ну и еще, по мнению некоего Коляна, сиськи у меня ничего такие, а вот ноги можно было бы и подкачать. И вот на что требовать у начальства компенсации – на возмещение морального ущерба или же на спортзал – я определиться так и не смогла. Как и не поняла того, как этот Колян под пиджаком свободного кроя мои, простите, сиськи рассмотреть умудрился.

Глава 5

А уже на следующей неделе университет сотрясла новость: невменяемый студент выпрыгнул из окна аудитории прямо на перерыве между лекциями. Друзья пострадавшего уверяли, что тот был чист, но староста и еще несколько студентов твердили, что пострадавший незадолго до происшествия что-то употребил, о чем свидетельствовало странное поведение парня.

Измайлов тут же умчался к ректору, распорядившись проводить занятия в штатном режиме. Студентов отпускать по домам мы не имели права, но растерянность и ошеломленность, царившие среди всех нас, учебному процессу не способствовали. Не знаю, как остальные преподаватели, а я решила вместо информатики поговорить с ребятами по душам, хорошо хоть материал о вреде наркотиков у меня был подготовлен заранее, да и атмосфера располагала. Студенты охотно беседовали, делились мыслями, кто-то рассказывал печальные истории знакомых. Свою собственную историю я старалась держать как можно глубже и не пускать в настоящую жизнь, делая вид, что случилась она с кем-то другим, потому что до сих пор с ее последствиями я справляться не научилась. Категоричное забвение и отрицание случившегося стало моим личным ноу-хау.

В конце занятия я намекнула студентам, что будет пра-

вильным сообщить, если вдруг кто заметит за сокурсниками странное и необычное поведение. На счет того, что подобные разговоры окажут влияние на действительно зависимых, я всерьез не обольщалась, но в душе надеялась, что хотя бы кого-то смогут уберечь и помогут не ступить на кривую дорожку.

Вернувшийся спустя час Измайлов новостями не порадовал: парень действительно был под кайфом и в данный момент находился в реанимации. А поскольку при нем запрещенных веществ полиция не обнаружила, особо усердствовать в поисках не стала – употреблять у нас закон не запрещает, как и выпрыгивать в окна. Другое дело, если бы у парня при себе оказалось «дури», чтоб на статью хватило, тогда бы его тряхнули, а так – свидетелей, что он сам из окна прыгнул, полно, состава преступления нет, кому охота лишний раз заморачиваться...

Ректор лютует, имидж ВУЗа падает, обеспокоенные родители забирают детей по домам, но это ладно, а вот самые активные пишут жалобы, куда фантазии хватит, охочие до контента блогеры опять же... И вот последующие за этим проверки никого порадовать уж точно не смогут. Что уж говорить про статьи в прессе, которые непременно появятся. Единственное, что порадовало лично меня, – отмененная репетиция КВНа, так что домой я вернулась пораньше.

Поужинала наскоро порезанным салатом и устало завалилась на диван. Племяшка, как обычно, заперлась в своей

комнате, прихватив ужин с собой. Я разглядывала потолок и пыталась прикинуть, чего ждать от жизни дальше. Интуиция шептала о надвигающихся хлопотах и казенных интересах, но если бы она всегда была права, я не оказалась бы сейчас там, где оказалась.

Крутила в голове и так, и эдак, а выходило одно: как ни прискорбно, благополучие мое зависело от поведения вверенной под опеку девчонки. И каким таким образом можно на него повлиять, я не представляла. «Сестре что ли позвонить, посоветоваться?» – посетила голову шальная мысль, но я тут же скривилась, вообразив сомнительное удовольствие. В ответ на глупые мысли телефон зазвонил. Я взяла аппарат, глянула на дисплей и усмехнулась: лучше бы про миллион долларов мечтала, потому как с экрана раздражающе жизнерадостно скалилась сестра. Так и хотелось часть проблем перевесить на нее.

– Женя! – требовательно приветствовала она меня.

– Оля! – в тон ей ответила я, но из-за общей усталости получилось не так живо.

– Я по делу, – зачем-то уточнила сестрица. Можно подумать, мы хоть раз созванивались просто так поболтать. И продолжила многозначительно: – На той неделе Юра объявился, можешь себе представить, что я испытала!

«Вообще-то нет» – так и хотелось ответить, ибо доверительные отношения – не про нас с сестрой, но она такой возможности не дала и продолжила:

– С дочерью, говорит, хочу контакт наладить. Представляешь? И восемнадцати лет не прошло!

– Юра – который отец Маши? – начала я кое-что понимать.

– Ну а чей еще? Конечно, Машкин! Так вот, я сначала против была, шлялся же где-то столько лет и не вспоминал даже, потом чуть остыла, поразмыслила, с родителями посоветовалась. В общем, мы решили, пусть общаются, если девочка, конечно, захочет. Тем более что Юра как раз живет в вашем городе, а к нам приезжал на пару дней, мать навестить, отец-то у него еще лет пять назад умер, – при упоминании несостоявшегося свекра сестра всегда кривила лицо, будто у нее резко начиналась изжога, поэтому я, услышав брезгливый тон, без труда представила недовольную физиономию сестрицы. – Так что я ему твой номер скинула, сказала, пусть через тебя договаривается о встрече. Ты уж присмотри там за ними, одну Машеньку к нему не пускай – мало ли что у него на уме. Девочку я сама подготовлю, ты ей не говори пока ничего, тут аккуратно надо.

«Ох, знала бы сестрица, чем ее девочка в университете промышляет, не трепетала бы так сильно над неоперившимся птенчиком...» – думала я, вслух же просто сказала:

– Хорошо, – ибо с возрастом поняла, что проще согласиться, нежели выслушивать потом нудные нотации и нравоучения от родителей, которые непременно последуют за обязательной взбучкой от сестрицы. Вот уж у кого точно ни-

когда не стоял вопрос на тему «тварь я дрожащая или право имею?»»

Еще минут пять я без особого интереса слушала о житье ближайших родственников – на Ольгу никак снизошло вдохновение, обычно со мной она не столь словоохотлива, коротко сообщила, что у нас с племянницей все путем и с чистой совестью распрощалась с сестрой. Десять лет разницы и расстояние в три тысячи километров не слишком-то способствуют укреплению родственных связей. Да что говорить! С Машкой у нас на площади в шестьдесят квадратных метров и то не особо ладится, так что дело скорее всего не в расстоянии, а в том, что моя семья придерживается старого принципа насчет ошибок, которые нужно не признавать, а смыть, сами помните, чем...

Я прикрыла глаза и постаралась ни о чем не думать. Тяжелый во всех смыслах день как будто вытянул из меня все силы и буквально-таки приковал к дивану. Не видя смысла сопротивляться, я завела на телефоне будильник и укрылась пледом.

Наутро в университете ничего не напоминало о случившемся. Студенты гомонили как обычно, веселясь и беззаботно хохоча, преподаватели деловито сновали с бумагами в руках и только мрачный вид заведующего говорил, что ничто не забыто. Репетиции он юным кавээнщикам разрешил, но не столько по доброте душевной, сколько с корыстной целью

сбора разведанных. Я, признаться честно, ни на что не надеялась. Да и выкинувшийся вчера парень никоим боком к нашим ребятам не относился, им даже пересечься негде было.

Но после окончания пар я покорно уселась за свой стол и воткнула наушники в уши, про себя упрасывая день первокурсника наконец-то поскорее наступить, дабы неприятная повинность отпала сама собой. В процессе подслушивания я докатилась до того, что придумала пару хороших шуток, которые бы без сомнения украсили выступление ребят. Хоть анонимки им под дверь подбрасывай.

Измайлов в этот раз для разнообразия дождался окончания репетиции и пригласил меня в кабинет. Машка осталась послушно ждать возле преподавательской – домой она так и возвращалась в моей компании.

– Сахар? – поинтересовался начальник, усадив меня пить кофе с бутербродами. Очередной пиджак висел на спинке рабочего кресла, сам же Директор, оставшись в рубашке с закатанными рукавами, лично ухаживал за мной. Что, согласитесь, не могло не настораживать, оттого кофе я пила с опаской, подспудно ожидая очередной свиньи от начальника, и вкус напитка как следует не прочувствовала. Измайлов устроился на стуле напротив и после того как я отрицательно мотнула головой, пододвинул к себе вторую чашку. – Ну как сегодня? – вопрос вывел меня из задумчивости.

– Также как и до этого. Веселятся, балагурят, о трагедии

ни слова. Курнуть, благо, тоже никто не предлагал, – коротко отчиталась я.

– И ничего интересного?

– Почему ничего? Говорят, ваша любовница уже две недели не объявлялась, а у нее ноги, что надо, и губы нормальные, не то что у предыдущей, как два пельменя, – не без удовольствия просветила я Измайлова. – Почему, кстати, любовница, разве вы женаты? – я еще раз оглядела его правую руку, свободную ото всяких колец.

Тот закашлялся, прыснул кофе обратно в кружку и с укором посмотрел на меня.

– Не женат, Евгения Алексеевна, и охота вам глупости всякие повторять?

– Так вы же сами спросили, – невозмутимо пожала я плечами и приналегла на бутерброд с бужениной.

Отец Маши объявился в пятницу, когда я уже и думать о нем забыла, и назначил встречу на следующий день. Не имея ничего против, я согласилась. Хотя тащиться куда-то после насыщенной сверх меры трудами недели особого желания не было, я не понаслышке знала, сколь остро подчас в юном возрасте стоит вопрос отцов и детей.

Ресторан Юра выбрал приличный, с чеком дороже среднего и панорамным видом на набережную. Первое скорее всего напрямую вытекало из последнего. Меню у них хоть и было странноватым на мой вкус, но все же не безнадежно совре-

менным: я заказала салат и матчу с миндальным молоком. Машка, обозвав меня извращенкой, взяла себе кофе с кучей пены, взбитыми сливками и чизкейк, Юрий под мой уважительный кивок обошелся чашечкой эспрессо.

Вообще же по этим двум было сложно определить хоть что-то. Что отец, что дочь, сидели с каменными лицами и сосредоточенно занимались напитками. Разговор начинать никто не спешил. Я откинулась на спинку стула и приготовилась наблюдать сие увлекательное действие, раз уж вынуждена была стать свидетельницей воссоединения. Помогать этим двоим налаживать контакт я уж точно не собиралась, и без меня разберутся. Попутно пыталась найти хоть какое-то фамильное сходство, но тщетно. Машка высокая, стройная с длинными светло русыми волосами и серыми глазами, наивный взгляд которых может сбить с толку любого, кто ее плохо знает. Юрий же – крепкий брюнет с голубыми глазами и резкими чертами лица, что лично у меня на подсознательном уровне вызывали настороженность. Может они и не родственники вовсе, – закралась крамольная мысль, ну да Ольге видней!

– Учишься? – неловко начал Юрий спустя пару долгих минут.

– Угу, – кивнула племяшка и уткнулась носом в стол.

– И как, нравится? – не сдавался отец.

– Нормально.

– А я сюда недавно по работе переехал. До этого уж очень

далеко жил, да и служба не позволяла отлучаться.

– Ясно, – Машка явно не спешила раскрывать объятия новообретенному папашке.

– Маша, может, начнем все заново, с чистого листа? Я в девятнадцать совсем дураком был, не понимал от чего отказываюсь и что теряю, да и родители давили, что жизнь себе ломаю. Конечно, сейчас я жалею, что не набрался тогда твердости и уступил, хорошо хоть мама твоя сильнее меня оказалась. Давай хотя бы просто общаться начнем, я тебе помогу, может, чем? А уж простишь меня, когда сможешь, – Юра выглядел вполне искренним, и я решила оставить их наедине, обнажать душу при свидетелях – так себе удовольствие, да и Машке без моего присутствия проще будет.

– Оставлю вас ненадолго, – улыбнулась я и, прихватив сумочку, направилась в сторону туалетов.

Пятнадцать минут – это все, что я смогла им дать. Повертеться у зеркала, подправить макияж, глянуть ленту в Инстаграме... На большее фантазии не хватило. Когда я вернулась за столик, Машка уже увлеченно рассказывала про КВН и приглашала отца поприсутствовать на выступлении.

– Там у всех из команды родители придут, а мне и позвать было некого. Я даже пригласительный не брала, – огромные ясные глаза уставились на мужчину. Что ж, у него не было шансов.

– Конечно же, я приду! – пообещал тот. – А почему ты Женю не позвала?

– Мне ее и в универе хватает, – проворчала девчонка. – Она у нас на кафедре работает.

– Ух ты! А я и не знал даже, – Юрий с интересом стрельнул глазами в мою сторону.

– Да, так совпало, – протянула я и под напряженным взглядом племяншки не стала вдаваться в подробности.

И без слов было ясно: Машка не жаждет сообщать отцу все нюансы моего трудоустройства. Я в принципе тоже была в этом не заинтересована, тот редкий случай, когда мы с племянницей оказались единомышленны.

Под конец встречи Машка сменила гнев на милость и явно благоволила отцу, что было и слепому заметно на фоне общей неприязни ко мне. А тот, в свою очередь, пообещал девчонке новый смартфон и сводить на концерт популярного ныне репера. Я хрюкнула и пригляделась к мужчине, пытаясь для себя определить: то ли он не в курсе, какого рода творчество только что подписался слушать за свои же кровные, то ли чувствует себя уж слишком виноватым перед дочерью и потому готов идти на любые жертвы. Был еще третий вариант – никуда он идти не планировал, но так плохо о Юрии думать не хотелось. В любом случае мужчина он состоявшийся, так что просвещать его даже на всякий случай не стала.

Расстались мы вполне довольные: Машка и Юра – взаимопониманием, а я – тем, что можно с чистой совестью отправиться домой и наконец-то отдохнуть. Я даже Машку по-

гулять отпустила, пригрозив в случае чего не пустить на концерт. Девчонка вроде прониклась и обещала глупостей не делать. Так что всю вторую половину дня я принадлежала только себе и была неприлично этим фактом довольна.

Глава 6

Понедельник наступил до обидного быстро, а вместе с ним пришли и дополнительные обязанности. Я, как обычно, сидела в преподавательской за рабочим столом, вяло жевала бутерброд, на этот раз собственного производства, и старалась не замечать косые, порой недоуменные взгляды коллег, явно удивленных необычным хобби новенькой ассистентки. Вряд ли Измайлов посвятил коллектив в суть нашей совместной факультативной деятельности. Чувствовала себя, мягко говоря, неудобно. Бессмысленный и беспощадный треп молодежи давно перестал развлекать, сценарий выступления я уже знала не хуже самих весельчаков, могла им даже суфлировать при необходимости. Директор в преподавательской не появлялся, видимо для того, чтобы избежать пересудов, и я уже успела изрисовать палочками и завитушками три казенных листа А4. Все это заставляло вздыхать и задаваться вопросом из серии «в какую пропасть медленно, но верно катится моя жизнь?», а если быть точнее – на какие же рельсы я сама ее толкаю? Ни перспективной работы, ни планов, ни личной жизни... В какой момент разговор двух парней в аудитории неподалеку свернул не туда, я и сама не заметила. Остальные члены команды отправились по домам, поэтому говорить начистоту тем двоим никто не мешал. Я встрепенулась.

– Завтра на «репу» я не приду, буду готовиться к коллоквиуму по химии, – не очень-то довольно пробубнил первый парень.

– Ты че, какая на хрен химия? У нас на кону место в сборную стоит, а ты зубрить собрался! – на удивление искренне возмутился второй.

– Да на кой хрен мне твоя сборная, если меня из универа попрут! – первый парнишка отличался рассудительностью, в связи с чем я невольно приняла его сторону. – Этой стерве пересдавать замучаешься, тогда вообще ни до чего будет. Преподы как с цепи сорвались, то контрольная, то коллоквиум, то опрос какой-нибудь дебильный. Не сдал – допуск к экзамену не получил, я уже задолбался по ночам штудировать. Как будто на физиков-ядерщиков учимся...

– А ты думал, в сказку попал, – усмехнулся второй. – Такая она, студенческая жизнь, в сессию вообще охренеет, – и, понизив голос, продолжил: – Есть тема одна, со мной как-то пацаны в общаге делились, называется «смуси». Одна таблетка – и ты бодр, энергичен, а голова работает так, как будто ты сам Эйнштейн.

При упоминании пацанов с общаги я просто напряглась, но как только услышала слово «таблетка», вскочила со своего места так стремительно, что отлетевший стул ударился спинкой о стену позади, а сумочка со всем содержимым повалилась мне под ноги. Перепрыгнув через препятствие, я со всех ног помчалась к Измайлову. По пути вытащила науш-

ник, чтобы сберечь одно или несколько мгновений. На ходу грохнула кулаком в дверь и, не дожидаясь ответа начальства, рванула ту на себя. Благо в преподавательской и в коридоре было пусто, а иначе под каким соусом подавать очевидцам свой стремительный забег я не представляла. Измайлов безмятежно печатал на компьютере и стимулировал мозг кофеином. Я промчалась через весь кабинет к столу начальства и, невнятно мыча, принялась тыкать в сторону Директора наушником, что освободила еще в коридоре. Измайлов, к его чести, соображал быстро – не даром так рано профессором стал – и вставил «капельку» в ухо, махнув мне на стул. Беседа тем временем продолжалась:

– Наркотики что ли? – неуверенно переспросил первый мальчишка.

– Да какие там наркотики, – легко отмахнулся второй. – Так, легкий стимулятор. У нас чуть ли не полгорода под ним тот самый гранит грызет.

– Какой еще гранит?

– Гранит науки, дубина, – усмехнулся парень. – Ну так что, тебе вырубить? Сам не заметишь, как все контрольные сдашь, и репетиции пропускать не придется. Еще и хату матери надраишь, то-то она довольна останется.

– Да хрен его знает, – к моему облегчению неуверенно протянул второй, которого еще можно было спасти. – Попробую пока своими силами. А почему «смуси» то?

– Потому что в виде жевательных конфет с фруктовым

вкусом. Короче, если че, обращайся. Но на «репу» чтобы завтра пришел.

– Угу, – недовольно промычал парень, и в наушниках раздался шорох надеваемой верхней одежды.

Измайлов освободил ухо, скомандовал: «Идемте» – и, стремительно шагая, покинул кабинет. Мне пришлось догонять, на ходу отключая телефон и пряча наушники в карман. До нужной аудитории добрались как раз вовремя – парни заперли дверь на ключ.

– Закончили репетицию? – с убийственным видом поинтересовался Измайлов.

– Да, – нерешительно переглянулись два товарища, не понимая еще в какую задницу угодили, но точно чувствуя, что попали не туда.

– Отлично. А теперь оба ко мне в кабинет.

Парни понуро побрели в указанном направлении, явно тереясь в догадках, какая муха укусила нашего Директора. А я бы так и осталась неуверенно топтаться возле закрытой двери, не подтолкни меня в спину весьма красноречиво Андрей Маратович. Я зашагала в ногу с начальством. По пути успела шепнуть:

– Нам нужен тот, что из общаги. Он говорил, что именно там и пробовал.

– Понял, – кивнул Измайлов.

В кабинете Директор первым делом усадил меня на диванчик возле кофейного столика так, что я оказалась в сто-

роне от остальных действующих лиц. Парней же он пристроил напротив собственного стола, сам опустился в рабочее кресло последним.

– Фамилии и курс, – кратко потребовал.

Парни слабо что-то проблеяли, я со своего места не разобрала, но пообещала себе начать вырабатывать такой же командный голос. Измайлов тем временем что-то колдовал на компьютере, затем принялся буравить тяжелым взглядом провинившихся и, выдержав паузу, за время которой напряжение на лицах ребят достигло предела, заговорил:

– Значит, Андреев, стимуляторами балуемся? Еще и товарища с пути истинного сбить пытаешься...

В недоумении парни переглянулись. Еще бы! Я на их месте бы тоже обалдела и заподозрила Директора в суперспособностях.

– С чего вы взяли? – несмело возразил Андреев.

– Мне, Андреев, и брать ничего не надо, я лично своими ушами все слышал.

– Вам точно послышалось, скажи ведь, Миха! – с облегчением ткнул в бок товарища Андреев.

– Ты меня за идиота держишь? – сузил глаза Измайлов. – Я ведь и осерчать могу.

– Не надо серчать, Андрей Маратович, да точно вам говорю, мы ничего такого в виду не имели, – затараторил парень, воодушевившись. – Речь вообще про энергетики шла, так их все употребляют, их вон даже на заправках продают.

– Значит так, я вам не мамочка, и чем вы там себя убиваете в свободное от учебы время, мне глубоко фиолетово. Но вот наркоманов и их дрянь у себя под носом я не потерплю.

– Да мы не...

– Я еще не закончил, – не позволил перебить себя Директор и добавил металла в голос: – Ты сейчас же сдаешь мне подельников: тех, кто угощал тебя «смуси», и тех, кто был с тобой под кайфом. А иначе после первой же сессии отправишься топтать плац в кирзовых сапогах, потому что, поверь моему слову, сдать у тебя получится только физкультуру. У твоего дружка, кстати, тоже, – кивнул Андрей Маратович на Миху.

Тот поник и смотреть на товарища принялся безо всяких дружеских симпатий. Андреев заговорил:

– Да говорю же, про обычный энергетик речь была, – не спешил колотиться упрямый студент. Похоже все еще надеялся, что пронесет.

– Не хочешь сотрудничать, да? – постучал ручкой по столу Измайлов. – Тогда не обижайтесь, парни, после Нового года наши пути-дорожки разойдутся, догадайтесь сами, в каком месте вы свернули не туда. И вашим родителям я буду настоятельно рекомендовать проверить вашу кровь на наличие запрещенных веществ.

– Он говорил, что его знакомые из общаги угощали! – выпалил вдруг Миша, с опаской косясь на товарища. Хороший мальчик, хоть в разведку я бы с ним и не пошла.

– Ну, ты сука... – удивленно выдал не ожидавший подставы Андреев.

– Отсюда поподробнее. Кто, когда, откуда? – Директор цепко глядел на Андреева.

И после этого парень «запел». Сдал старших товарищей с потрохами, божился, что сам пробовал один единственный раз и больше употреблять не планировал. Правда ничего особо ценного нам его информация не принесла. Ну баловались ребятки на свой страх и риск «запрещенкой», так ведь не торговали же. А достать в наше прогрессивное время наркотики, как выяснилось, легче легкого. Всего-то и надо выйти через специальный браузер в даркнет, выбрать магазин и оставить заказ. Безналичная оплата и посылочка, оставленная в неприметном тайничке исключают риск встречи продавца с клиентом, а значит и поимки обоих с поличным. Удобный способ, ничего не скажешь. И как в таких условиях изживать заразу среди подопечной молодежи, лично мне было совсем непонятно. Именно этот вопрос я и задала Измайлову после того, как ребята ушли, понуро повесив головы и толкая друг друга локтями.

– Понаблюдаем для начала. Теперь мы хотя бы знаем, за кем. Если убрать тех, кто балуется на досуге и угощает товарищей по доброте душевной, мы сможем убрать наркотики практически полностью. Из ВУЗа, конечно же, на большее я не замахиваюсь.

– То есть такой теперь план? А подслушивать уже можно

перестать? – закинула я удочку, хотя в душе была рада тому, что наше небольшое предприятие наконец начало приносить дивиденды.

– Пока еще рано, – не порадовал Директор и резко сменил тему: – Вас подвезти?

– Нет, спасибо, я на машине, – я так растерялась, что позабыла о собственном негодовании насчет своего негласного и, будем честны, вынужденного участия в бурной, общественно полезной деятельности Измайлова. Хотя не скрою, получать результат мне понравилось.

Вечер выдался свободным – Машку забрал новообретенный папаша на очередные семейные посиделки. Я по очевидным причинам против совсем не была. Заехала в ресторан быстрого питания, взяла себе бургер и салат, чтобы было полезнее, и насладились как следует одиночеством. Все же работа с людьми выматывает на каком-то особом, энергетическом уровне. В офисе в этом плане было полегче.

На следующее утро я ехала в университет и гадала, что же день грядущий на пару с Директором нам готовят. Даже Машка отметила, что я пребывала слегка не в себе, хоть и трещала в основном про своего папашу. Поэтому большую часть речи я пропускала мимо ушей, но и недовольства не выказывала: мне не трудно, а девочке приятно.

Измайлов с утра пораньше поджидал меня возле аудитории. Щегольские ботинки, нарочито простой пиджак и фир-

менные джинсы – сегодня наш Директор тяготел к демократичности, и, что сказать, таким он мне нравился больше. Я же по утрам никак не могла определиться, что надеть: строгие юбки и блузы казались слишком формальными и были явно из чужой оперы, а джинсы с футболками, казалось, ставили меня на одну ступень с обучающимися. Золотую середину я пока так и не нашла, а от того повышенное внимание уделяла туалетам коллег. Андрей Маратович взял меня под локоток и оттащил к окну, благо студенты прийти еще не успели, и этот его маневр остался никем не замеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.